

Апросимова Елизавета Гаврильевна

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ЯКУТСКИХ ПРЕДАНИЯХ ОБ ЭЛЛЭЕ И ОМОГОЕ

Статья посвящена времени как категории поэтики в якутских преданиях об Эллэе и Омогое. Особое внимание было обращено на фигуру рассказчика в предании: он верит в достоверность описываемых событий и тем самым определяет события в общем потоке "исторического" времени. Рассказчик преданий соотносит себя с героями преданий. Связь между ним и персонажами формально выражается в начале и в финале текста. Несмотря на осознание рассказчиком неразрывности временного потока, между эпохой героев предания и эпохой рассказчика существует разрыв, который носит мифологический характер.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-3/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 3. С. 10-12. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 398.1

Статья посвящена времени как категории поэтики в якутских преданиях об Эллэе и Омогое. Особое внимание было обращено на фигуру рассказчика в предании: он верит в достоверность описываемых событий и тем самым определяет события в общем потоке «исторического» времени. Рассказчик преданий соотносит себя с героями преданий. Связь между ним и персонажами формально выражается в начале и в финале текста. Несмотря на осознание рассказчиком неразрывности временного потока, между эпохой героев предания и эпохой рассказчика существует разрыв, который носит мифологический характер.

Ключевые слова и фразы: категория времени; предания; поэтика фольклора; жанры фольклора; устный текст.

Апросимова Елизавета Гаврильевна

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск
laprosimova@gmail.com*

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ЯКУТСКИХ ПРЕДАНИЯХ ОБ ЭЛЛЭЕ И ОМОГОЕ

Категория времени в фольклорных текстах имеет большое значение для понимания специфики жанра. М. М. Бахтин считал, что в разграничении жанров в литературе решающую роль играет хронотоп. Причем ведущим началом в хронотопе в литературе является время [1, с. 235]. Воспроизведение и изображение времени в текстах фольклора существенно определяет их жанровые границы. Так, в мифологических текстах рассказывается о начальных временах первотворения, в быличках время действия относится к недавнему прошлому и находится в тесной связи со временем рассказчика, а в сказках время является замкнутым. Осмысление категории времени в якутских преданиях позволяет приблизиться к пониманию специфики жанра.

Исследования категории времени в якутских преданиях носили историко-генетический характер. Были изучены отдельные аспекты соотнесения героев и сюжета с историческими лицами и событиями, с архивными источниками. Тем не менее одним из первых категорию времени как категорию поэтики исследовал Г. В. Ксенофонтов. Он рассматривал ее в рамках общего вопроса «восприятия фактов отдаленного прошлого при посредстве преемственной передачи из поколения в поколение устных рассказов» [3, с. 367]. Г. В. Ксенофонтов выделял устную и письменную формы хранения информации. По его мнению, точная датировка событий являлась признаком письменной формы. В то время как в устной форме передачи информации события квазиисторического прошлого народа излагались без точной датировки.

При устной форме хранения информации длящееся историческое явление не могло быть разложено на составные элементы. Поэтому повторяющиеся события унифицировались в памяти народа. Хронологическую перспективу могла дать только развитая письменность. Отсутствие хронологической перспективы в устном тексте продиктовало еще одну особенность времени в преданиях – анахронизм, который понимался Г. В. Ксенофонтовым как смешение более ранних событий с более поздними, а поздних – с ранними.

«Вневременность» и отнесенность к давно прошедшим временам Г. В. Ксенофонтов выводил из особенностей устного восприятия информации: «...события в легендах как бы совершаются вне времени, с одной лишь неопределенной датой, что это было когда-то давно, встарь» [Там же, с. 370]. «Вневременность» понималась Г. В. Ксенофонтовым как отсутствие точной датировки в устных текстах. Несмотря на «вневременность» событий в преданиях и в целом отнесенность к далекому прошлому, предания находились в некотором общем потоке «исторического времени», осознаваемого рассказчиками и слушателями. Так, Г. В. Ксенофонтов отмечал две крайности в легендарном и былинном творчестве в отношении хронологии: «Все события и герои отодвигаются чуть ли не к воображаемой эпохе первых дней творения или, наоборот, приближаются к современности, какую бы отдаленную эпоху они ни отражали» [Там же]. Цикл преданий об Эллэе и Омогое рассказчики относили к начальным временам заселения якутами бассейна реки Лены. Герои Эллэй и Омогой представлялись первопредками якутов, что в совокупности свидетельствует о мифологическом характере времени в цикле преданий о них. Примечательно, что Г. В. Ксенофонтов рассматривал предания об Эллэе и Омогое как мифологические сказания якутов.

Л. Н. Семенова и И. А. Протопопова продолжили идеи Г. В. Ксенофонтова. Они реконструировали смысловой инвариант преданий об Эллэе и Омогое и предложили рассматривать предание как «этиологический миф» о происхождении обряда: «В соответствии с преданием ысыях посвящен событию основания рода как событию создания упорядоченной структуры мироздания и социума: если учесть, что пара Эллэй – Сыппай означает пару Небо – Земля, схема четвертого хода отражает идею установления полностью упорядоченного пространства. Так, выстраивание отношений персонажей в финале, то есть на празднике, есть

одновременно «выстраивание Космоса» [5, с. 40]. В этом исследовании не была специально рассмотрена категория времени. Однако исследователи определяют смысловой инвариант предания как логику «харизматической инициации» и предлагают рассматривать его как «этиологический миф» о происхождении обряда.

Так, были исследованы отдельные аспекты категории времени в якутском фольклоре. Ученые вплотную подошли к проблеме мифологического характера категории времени в преданиях об Эллэе и Омогое, отметили отсутствие хронологической перспективы и анахронизмы. Тем не менее категория времени в якутском фольклоре не становилась объектом специального исследования. Не были исследованы особенности исполнительского времени, соотношения времени с сюжетом и мифологический характер времени в цикле об Эллэе и Омогое.

С этой целью было предпринято исследование категории времени в якутских преданиях об Эллэе и Омогое. Обращение к этому сюжету не случайно: предания об Эллэе и Омогое были широко распространены по всей Якутии, и фиксации сюжета велись начиная с конца XVII в. и заканчивая XX столетием. Герои предания считаются мифическими первопредками якутов. Исследователи отмечали мифологический характер преданий.

Для анализа был выбран вариант предания, записанный в 1938 г. С. И. Боло от 80-летнего Федора Николаевича Золотарева, жителя Харбалахского наслега Виллойского района. Запись была сделана во время экспедиции, организованной Якутским исследовательским Институтом языка и культуры, в районы бывшего Виллойского округа (1938 г.). Всего во время экспедиции было собрано 10 сюжетов об Эллэе и Омогое. Запись была опубликована в сборнике «Исторические предания и рассказы якутов», составленном Г. У. Эргисом [2, с. 76-78]. Перевод для сборника был сделан Г. У. Эргисом при помощи С. П. Тихонова, Н. М. Алексеева, А. И. Окорюкова.

В данном варианте отсутствует мотив так называемой «подводной девы», характерный для вариантов преданий об Эллэе в Виллойской группе улусов. Впрочем, по целому ряду характеристик текст представляет собой вариант, наиболее типичный для Виллойской группы улусов. Текст начинается с описания жизни слепого Татаар Тайма и его сына Эр Соготох Эллэя на южной земле, описываются их путешествие, пророчество отца, волочение холста для сбора росы, выбор невесты, устройство ысыаха, имена героев, связь с другим фольклорным героем – Тыгыном. Вкратце сюжет можно представить так:

На юге живет слепой Татаар Тайма с сыном Эр Соготох Эллэем. Их страну начал завоевывать Грозный царь, и весь татарский народ разбрелся, рассыпался по разным странам. Эллэй понес на своих плечах отца и по его указаниям бежал на север. Так, старик посоветовал, что сыну надо следовать по низинам и в безводной местности волочить по земле холст, чтобы собирать росу. Дойдя до большой реки, надо бросить зеленую траву по течению и следовать за ней. Переправившись через реку, Эллэй встретит богатого человека Омогой Баая, из трех его дочерей надо выбрать плодovitую, у которой моча образует белую пену. Отец завещал похоронить его там, где он говорил предсказание. Сын исполнил указания отца, плыл на плоту. Эллэй нашел Омогоя и стал жить у него парнем-работником. Взял в жены нелюбимую дочь Омогоя, что расстроило Омогоя и его жену, и они прогнали молодых. Отделившись, Эллэй возвел у себя строения: жилище-очаг, изгороди, стойла, дымокур. Приманил дымокуром весь скот Омогоя. Приготовил посуду для кобыльего молока, затеял танцы якутов-уранхайцев, воздвиг столб «аар багах», натянул волосную веревку, развесил пучки конских волос, воткнул молодые деревца и славил-заклинал всех айыы. Первый положил начало устройству «ысыах», пригласил всех людей и угощал их. От Эллэя и дочери Омогоя родился Тыгын.

Предание всегда рассказывает о прошлом, и это прошлое имеет свои особенности. Время действия в преданиях об Эллэе и Омогое, в отличие от эпического или сказочного времени, определено в общем потоке «исторического» времени и относится к условной эпохе начальных времен заселения якутами долины реки Лена. Эта условная эпоха тесно связана с другими эпохами, со временем войн «кыргыс» и с властвованием Тыгына, со временем «прихода русских», с недавним прошлым и с настоящим временем рассказчика. Можно заметить существование некоторой «исторической» хронологии в жанре преданий, где начальной точкой отсчета является эпоха, в которой действовали легендарные предки якутов Эллэй и Омогой.

Еще одной характерной особенностью поэтики якутских преданий становится отсутствие автора в структуре повествования. Оно влечет за собой и отсутствие авторского времени, «особой временной позиции, с которой ведется рассказ» [4, с. 237]. Тем не менее в преданиях есть фигура рассказчика, чья роль очень важна для этого типа текста и является в каком-то смысле одной из жанрообразующих компонентов текста.

В отличие от других жанров повествовательного фольклора – сказки или олонхо, – рассказчик преданий верит в достоверность событий, о которых он рассказывает. События и герои осознаются рассказчиками и слушателями как действительно существовавшие. В отличие от рассказчика быличек, рассказчик преданий всегда каким-либо образом соотносит себя с героями. Он повествует о своих предках либо о людях, которые жили на его родине или на определенной местности. Эта связь между рассказчиком и героями преданий формально выражается в начале и в конце текста преданий.

В данном варианте рассказчик *в конце*, как бы между прочим, упоминает, что от Эллэя (героя предания) родился сын, которого называли Тыгын: «Так, говорят, родился якутский Тыгын...» [2, с. 78]. И далее продолжает, что этот рассказ ему поведал «старик Екестян, весьма преклонных лет, из рода Оросу, жил в местности Арыы, он умер лет сорок тому назад» [Там же]. С точки зрения современного читателя, такие сведения не нужны в развертывании действия и в тексте предания кажутся лишними. Но рассказчик сообщает их, потому что они осознаются им как достоверные. По словам рассказчика, он как бы находится в общем пространственно-временном континууме вместе с героями преданий.

Тем не менее между эпохой, в которой живет рассказчик, и эпохой действия преданий есть некоторый разрыв мифологического характера. Эпоха первопредков Эллэя и Омогоя находится в отдалении от настоящего времени рассказчика и напоминает начальное сакральное время мифологических текстов. На это указывают названия, которыми обозначаются тексты такого типа: «*тёрют сэсэн*» (досл. «начальное предание»). Рассказчик

подчеркивает сильную удаленность и качественное различие *того времени* от настоящего времени. На эпоху Эллэя и Омогоя спроецированы современные социальные и экономические отношения, это переселение предков якутов на их нынешнюю родину, изготовление кумысной посуды, установление праздника ысыах, отношения между людьми разных улусов и многое другое. В данном варианте предания Эллэй делает посуду для кобыльего молока и впервые затевает танцы якутов и устраивает главный якутский праздник «ысыах».

Эпоха Эллэя локализована в далеком прошлом, в начальных временах заселения якутами долины Туймаада. Эта эпоха абсолютна и завершена, как и эпическое прошлое. При всей этой замкнутости мифологического плана, в преданиях появляется приобщенность к настоящему времени, намек на реальное продолжение. В пророчестве отца Эллэя совмещаются два временных ряда, происходит своего рода перестановка прошлого и будущего героя: «Когда дойдешь до большой великой реки, нарви зеленой травы и брось ее по течению. Бросив, следуй вслед за травой, где она остановится, там остановись и ты. Когда ты здесь переправишься (через реку), найдешь очень богатого жителя по имени Омогой Баай. <...> После этого он один по указанию отца, нашел большую реку Лену, по течению ее бросил пучок травы и сам последовал за ним (на плоту). Трава остановилась на том месте, где жил Омогой, ныне оно называется Якутском» [Там же]. Пророчество отца Эллэя не только влияет на судьбу одного героя, но и на весь якутский народ, и в том числе на рассказчика. В этом эпизоде предания проявляются некоторые ритуальные черты испытания, игры, моделирования будущего. Герой Эллэй благодаря своему правильному поведению завоевывает счастливую долю себе и своим потомкам.

Список источников

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Исторические предания и рассказы якутов: в 2-х ч. / изд-е подгот. Г. У. Эргис; под ред. А. А. Попова. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. 1. 322 с.
3. Ксенофонов Г. В. Ураангхай-сахалар: очерки по древней истории якутов: в 2-х кн. Якутск: Нац. изд-во Республика Саха (Якутия), 1992. Кн. 1. 416 с.
4. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.
5. Семенова Л. Н., Протопопова И. А. Эллэйада: семантика, структура, жанр: материалы к спецкурсу. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2008. 49 с.

ON THE CATEGORY OF TIME IN THE YAKUT LEGENDS OF ELLEY AND OMOGOY

Aprosimova Elizaveta Gavril'evna

*Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
laprosimova@gmail.com*

The article analyzes time as a category of poetics in the Yakut legends of Elley and Omogoy. Special attention is paid to the figure of a narrator in the legend: he believes in the certainty of the described events, thus establishing their place in the stream of “historical” time. The narrator identifies himself with the heroes of legends. The relation between him and personages is formally expressed at the beginning and at the end of the text. Though the narrator is aware of time flow continuity, there is a gap of mythological nature between personages’ epoch and narrator’s epoch.

Key words and phrases: category of time; legends; folklore poetics; folklore genres; oral text.

УДК 821.511.131

В статье рассматриваются новые стихотворения русскоязычного удмуртского поэта Вячеслава Ар-Серги – одного из ярких представителей и обновителей литературной традиции удмуртов. Подчеркивается, что поэтические тексты В. Ар-Серги представляют большой интерес как с точки зрения художественной декларации своей национальной идентичности, так и в контексте авторского поиска новых проблемно-тематических измерений, культурных ландшафтов, лирических ситуаций. В работе устанавливаются и анализируются основные мотивно-сюжетные блоки стихотворений из книги «Кама-кылбур» (времена года, тексты-путешествия, урбанистические миниатюры), приводятся некоторые грамматические и стилистические огрехи, спровоцированные творческим переходом с родного удмуртского на русский язык.

Ключевые слова и фразы: Вячеслав Ар-Серги; удмуртская поэзия; национальная идентичность; художественный метод; этнофутуризм; феномен языкового перехода; образно-символическая система.

Арзамазов Алексей Андреевич, д. филол. н.
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск
arzami@ramler.ru

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ СТИХИ ВЯЧЕСЛАВА АР-СЕРГИ: ГРАНИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

В рамках любой литературной традиции есть авторы, творчество которых в писательской и читательской среде вызывает диаметрально противоположные отклики, реакции. Современная удмуртская литература